

Николай Рерих. Александр Невский поражает ярла Биргера

Главным источником, из которого мы узнаём о Невской битве 1240 г. (и соответственно – о сюжете картины Рериха и множества других художников), является «Повесть о житии Александра Невского». Имя автора её первоначальной редакции не установлено, но точно известно, что он не был очевидцем или участником сражения, но слышал о битве от самого Александра и его сподвижников. Далее – автор явно не был новгородцем, ибо он не упоминает множества подробностей жизни Александра, известные нам из новгородской летописи – второго источника о происшедшем на берегу Невы летом 1240 г. Автор явно принижает роль новгородцев в сражении, считая, что они не сумели вовремя собраться и князю пришлось ехать навстречу врагу с небольшой дружиной. Признано считать, что этот агиографический памятник появился во Владимире при сыне Невского, Владимиро-Суздальском князе Дмитрии (правил с 1276 по 1294 г.), которого автор Жития неумеренно хвалит как достойнейшего преемника великого Александра. Возможно и участие в сочинении Жития образованного митрополита Кирилла; писал же текст неизвестный монах

владимирского монастыря Рождества Богородицы в 1280-х годах, то есть лет сорок спустя после сражения на Неве в 1240 г. Известно, что житийная литература – весьма ненадёжный исторический источник, ибо он включает в себя не только постоянные отсылки к священному писанию и древней истории, подгоняя действия святого к аналогам поведения их героев, но и не обходится без постоянного набора штампов о чудесных видениях, исполненных пророчествах и разных элементах сказочно-эпического характера. Говоря о непобедимости Александра, сравнивая его с Самсоном, Соломоном и Веспасианом, автор пишет: «Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришёл, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: “Прошёл я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей”».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из

северной земли (т.е. Швеции – Е.А.) подумал про себя: “Пойду и завоюю землю Александрову”. И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришёл в Неву, опьянённый безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: “Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою”. Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошёл в церковь Святой Софии, и упав на колени пред алтарём, начал молиться со слезами: “Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ”. И, припомнив слова пророка, сказал: “Суди, господи, обидящих меня, и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне”. И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слёзы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, кото-

рый сказал: «Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовём; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо»». Сказав это, пошёл на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу. Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу». Далее в текст Жития вставлена новелла о явлении на воде судна со святыми Борисом и Глебом в красных одеждах. Это чудо увидел разведчик Александра некий Пелугий, он же услышал как сказал побудничному святой Борис брату: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад (плоскостное речное судно – Е.А.) не скрылся с глаз его». Услышав от Пелугия рассказ о видении, Александр сказал ему: «Не рассказывай этого никому». В этом проявился рационализм князя: дружина в битве должна надеяться не на помощь небесных покровителей, а на свои силы. Как бы то ни было, после этой памятной встречи «Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего». Далее следует традиционный отсыл к библейской истории: «Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сенахириим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мёртвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца».

Что же было на самом деле? Учёные согласны, что, действительно, в июле 1240 г. отряд шведов, норвежцев и фин-

нов высадились на берегу Невы, возможно, что возле современной Усть-Ижоры. С какой целью они это сделали, сказать трудно. Согласно конспирологической концепции советской исторической науки, этот поход – реализация плана по захвату новгородских земель, разработанного Римом и скандинавскими завоевателями. Был ли таким поход 1240 г., сказать трудно. Вероятней всего, это был типичный военный набег на пограничные районы Новгородского княжества, причём он входит в целую серию таких же взаимных набегов, которые в науке называются «шведско-новгородскими войнами... за контроль над Финским заливом» на пути «из варяг в греки». Можно также предположить, что в набегах христиан-скандинавов на православных и язычников-финнов был и религиозный подтекст. Действительно, папа Григорий IX в 1232 г. призвал Ливонский орден защитить христианизируемую в то время шведскими епископами Финляндию от нападков Новгорода, а само завоевание Финляндии воспринималось как крестовый поход. Думается, что набег этот носил и сугубо «конфискационный» характер: возможность пограбить соседей не упускал ни один из соперников – иначе трудно понять, с какой это стати после похода новгородцев на шведский город Сигтуну в одном из порталов Софийского собора появились новые железные ворота, названные «Сигтунскими».

И хотя в Житии говорится о больших потерях захватчиках, погибших как от меча русских воинов, так и от действий ангела за Усть-Ижорой, удивляет крайне незначительные потери самой дружины Александра (12 человек) и полное молчание шведских источников и даже Суздальской летописи об этом сражении – видимо, оно было незначительной пограничной стычкой, впоследствии превращённой потомками в целое сражение.

Теперь о ранении «короля» копьем Александра. Ни Житие, ни Новгородская первая летопись – второй источник события на Неве – не упоминают его имени. Общеизвестно, что никакого короля в этом походе не было. Только в новгородской летописи конца 15-начала 16 вв. мелькает имя предводителя войска (Бергель), взятое из новгородской подделки первой половины 15 века «Рукописания Магнуша» – псевдо-завещания короля Магнуса Эриксона, убеждавших своих читателей-подданных не ходить войной на непобедимых новгородцев после победы Александра над шведами. Считается, что Бергель – искажённое имя крупного

шведского деятеля 13 века Биргера Магнуссона из знатного шведского рода Фолькунгов, основателя Стокгольма, завоевателя Финляндии. Именно его русская и советская историография, опираясь на «Рукописание Магнуша» – крайне недостоверную легендарную базу, признала и заклемила как организатора похода к берегам Невы. Странник «римско-католического заговора» против Руси И.П. Шаскольский всё же считал, что никакого ярла Биргера не было на Неве в 1240 г., ибо ярлом-правителем он стал только в 1248 г., а в 1240 году ярлом был его брат Ульф Фасе. Однако опровержение Шаскольского пролетает мимо главной цели – «Жития», в котором, как мы видим, вовсе не идёт речи ни о каком ярле, а лишний раз ставит под сомнение сведения «Рукописания Магнуша». Однако появление дополнительной информации об Ульфе Фасе позволило некоторым историкам надстроить миф над мифом и найти замечательный компромисс: оказывается, оба брата были в битве на Неве, но по морде получил не ярл Ульф, а его брат Биргер. Так всё замечательно сошлось: и ярл был, и Биргер был.

И всё же, несмотря на очевидную нелепость всех этих рассуждений, отметим любопытный факт, за которыми чуть-чуть, но всё-таки виднеется то, что можно назвать истиной. Во-первых, Биргер действительно воевал в Южной Финляндии, но позже происшедшего (в 1249-1250 гг.), когда уже стал ярлом. Почему же нельзя допустить, что он бывал у границ Новгорода и раньше? И второй факт. Биргер Магнуссон умер в 1266 г. Его могила была вскрыта в 2002 г. Там лежал костяк сильного в прошлом 50-летнего мужчины, но как отметили антропологи... правая глазница черепа Биргера носила следы серьёзной травмы. Кто знает, как возникла сия отметина: может Биргер охотился и на ветку наткнулся, а может всё-таки «печать на лице» получил от копья Александра Ярославича.

Когда Александр-победитель вернулся в Новгород, его встретили прохладно – в Новгороде усилилась проремецкая партия (к тому времени крестоносцы захватили Псков) и вскоре князь серьёзно рассорился с высшими чинами республики и, забрав с собой мать, жену и свиту, уехал в свою вотчину – Переславль-Залесский. Только через много месяцев новгородцы умолили его своими слезными просьбами защитить Великий Новгород «от немец». И тогда Александр отправился навстречу своей славе, добытой в сражении на льду Чудского озера в 1242 г.

■ ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ